

УДК 323.22/.28:327 (575.2) (04)

**КЫРГЫЗСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В КЫРГЫЗСТАНЕ
И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

А.Э. Молдобаев – мл. научн. сотрудник, аспирант
ДА МИД КР

Рассмотрены вопросы политической стабильности Кыргызстана и системы региональной безопасности в Центральной Азии. Здесь отражаются наиболее значимые аспекты и составляющие политической стабильности в стране, а также угрозы безопасности в Центральной Азии, их влияние на двустороннее сотрудничество с Китаем.

На современном этапе взаимодействие двух стран основывается на обширной договорно-правовой базе, предусматривающей сотрудничество в различных сферах жизнедеятельности. Несмотря на отсутствие явных противоречий в двусторонних отношениях между Кыргызстаном и Китайской Народной Республикой, кардинально расходящихся с интересами обеих сторон, существует, однако, ряд факторов, несущих в себе негативный характер и способных впоследствии не самым лучшим образом отразиться на кыргызско-китайских взаимоотношениях.

Как следует из тезисов французского ученого Р.Арона, “основа всех международных действий государства – в национальном интересе, наиболее существенными составными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет. Поэтому международные отношения – это сфера столкновений, конфликтов и примирений национальных интересов различных государств” [1].

Рассматривая взаимоотношения Китая и Кыргызстана в этом контексте, Пекин крайне заинтересован в обеспечении стабильности последнего, что обуславливается, в первую очередь, непосредственной близостью территории Кыргызской Республики.

События 24 марта 2005 г., в результате которых, как известно, произошла смена власти в стране, стали предметом крайней озабоченности китайского руководства и свидетельством хрупкости политической стабильности в регионе. Настороженность и беспокойство Пекина рассматриваются как вполне естественные явления, исходящие из сугубо национальных интересов

самой КНР. Ведь, фактически, под угрозу ставились выработанные за период независимости Кыргызстана налаженные механизмы и принципы двустороннего сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности, представляющие сегодня основу кыргызско-китайских взаимоотношений.

В этом контексте основными дестабилизирующими факторами внутривнутриполитической обстановки Кыргызстана являлись продолжающаяся нестабильность в стране, обусловленная отсутствием единства и согласованности в правящих кругах, а после прихода к власти оппозиции – преемственность прежнего курса внешней политики нового руководства в отношении Китая [2]. Кроме того, под пристальным наблюдением китайской стороны находились такие жизненно важные направления, как борьба с сепаратизмом, торгово-экономическое сотрудничество, а также возможность пересмотра новыми властями ратифицированных ранее соглашений по пролеганию кыргызско-китайской границы.

Тем не менее, после визита нового президента Кыргызской Республики К. Бакиева в Пекин 9 июня 2006 г. и подтверждения преемственности “старого” курса внешней политики, твердости в его неизменности в долгосрочной перспективе, а также приверженности кыргызских властей к ранее подписанным договорам и соглашениям (включая принципиально важные для китайской стороны вопросы относительно Тайваня и проблемы сепаратизма и терроризма в целом), политическое доверие между двумя сторонами было восстановлено. Здесь, однако, необходимо отметить, что пересмотр официальным Биш-

кеком сложившихся за период независимости двусторонних отношений, сам по себе не соответствовал национальным интересам страны. Во многом это обуславливается сложным переплетением всех аспектов взаимодействия: торгово-экономического, военно-политического и культурного как на двустороннем, так и многостороннем уровне в рамках ШОС.

Между тем, события, развивающиеся после мартовской революции 2005 г., а именно – многочисленные пикеты, конституционный кризис, постоянные кадровые перестановки на высшем уровне, очередные попытки свержения, на этот раз уже режима К. Бакиева, а также ряд громких заказных убийств, свидетельствовали о политическом кризисе в стране. В свете происходящего, а также возможности смены высшего руководства страны соседними странами, в том числе и Китаем, выразилась серьезная озабоченность по этому поводу.

Шаткость политического режима, нестабильность системы, в свою очередь, накладывают негативный отпечаток на внешнеполитический курс государства. Концепция внешней политики, основанная на многовекторном сотрудничестве страны с международным сообществом, на современном этапе в силу внутривнутриполитических потрясений несет в себе больше декларативный и неопределенный характер [3].

Нерациональность концепции, в первую очередь как инструмента реализации задач в долгосрочной перспективе, приводит к неспособности государства учитывать реалии современной политической ситуации как в регионе, так и в мире в целом. Свидетельство тому – вопрос о размещении военной авиационной базы коалиционных сил в аэропорту “Манас”. В действительности, рассматривая ситуацию в хронологическом измерении развития событий, кыргызское руководство занимает двоякую и неопределенную позицию. С одной стороны, это поведение может расцениваться как реакция на сложившуюся обстановку в стране и регионе в целом, однако с другой – непостоянство правящих кругов, отражающееся на принимаемых ими решениях, впоследствии может быть неадекватно воспринято партнерами.

Рассматривая такую ситуацию, перспективы подрыва международных позиций страны, ее обязательств перед организациями, в которых она состоит, в результате манипуляции интересами на внешнеполитической арене представляются не самыми благоприятными. Особого внимания также

заслуживает расхождение во взглядах исполнительной и законодательной ветвей власти по поводу дислокации иностранных вооруженных сил.

Наряду с неопределенностью внешнеполитических инструментов к проблемным зонам в двустороннем сотрудничестве Кыргызстана с Китаем, последним уделяется пристальное внимание непредсказуемости кыргызских властей в разрешении тех или иных вопросов. Апеллируя к показательным примерам устоявшихся дружественных отношений (страны ЕС, Россия – Казахстан, США – Великобритания), гарантом и основой стабильного сотрудничества между странами является именно предсказуемость руководства государства-партнера, т.е. твердость его позиций, равно как и их неизменность. Отсутствие четких и конкретных действий со стороны правительства не может закрепить за Кыргызстаном авторитет ненадежного и непостоянного партнера.

На фоне выявленных просчетов во внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности Кыргызстана хотелось бы подчеркнуть, что Центральная Азия представляет собой зону столкновения интересов мировых держав, соперничающих за влияние в регионе. Территория Кыргызстана в данном случае не является исключением.

Напротив, наличие военных баз России и США на территории нашей страны может свидетельствовать о еще большем вовлечении в этот процесс. При этом, рассматривая ситуацию, сложившуюся в регионе, с точки зрения КНР, лавирование Кыргызстана между интересами Москвы и Вашингтона в попытке угодить при этом обеим сторонам, не вызывает восторга. Политика самого Китая, сводившаяся ранее к минимальному влиянию в регионе, сегодня склоняется к наибольшему сотрудничеству с Россией в целях ослабления позиций Соединенных Штатов [4], следовательно – обеспечение собственных интересов, без открытой конфронтации с отдельно взятой стороной, используя при этом апробированную политику выжидания, является оптимальным выбором в сложившейся ситуации.

Исходя из вышесказанного, возможно предположить, что политическая стабильность в Кыргызстане, равно как и приверженность кыргызского руководства всем ранее достигнутым договоренностям, будут занимать в дальнейшем важную нишу в кыргызско-китайских взаимоотношениях. В противном случае, Кыргызстан рискует стать предметом постоянной озабоченности Китая. Как отмечает российский эксперт С.Г. Лузянин, «кыргызский вызов в Китае рас-

считается как системный, который может сразу ударить по нескольким важным для КНР направлениям – целостности ШОС, вопросам безопасности на западных границах Китая, транспортным и энергетическим “коридорам” из Центральной Азии в КНР» [5].

Рассматривая кыргызско-китайские отношения в аспекте вопросов, несущих дестабилизирующий характер, на двустороннем и региональном уровнях, целесообразно отметить современные угрозы региональной безопасности.

В своей внешнеполитической деятельности руководство Китайской Народной Республики, исходя из своих национальных интересов, рассматривает регион Центральной Азии как зону:

1) ограничивающую влияние исламского фактора, предполагающего в свою очередь:

- отторжение территорий современных суверенных государств от центральной власти с целью создания объединенного халифата;
- распространение национал-сепаратистских настроений в регионе и проникновение их на территорию граничащего с Казахстаном и Кыргызстаном Синцзян-Уйгурского автономного района (СУАР);
- необходимость сотрудничества Пекина с Москвой и Тегераном с целью предотвращения распространения идей пантюркизма в регионе;

2) для расширения торгово-экономических отношений с целью превращения региона в зону расширения влияния, а также объект импорта энергоносителей [6].

На современном этапе, после разрешения вопроса пролегания государственной кыргызско-китайской границы, руководствами обеих стран как в двустороннем порядке, так и в рамках ШОС уделяется значительное внимание противодействию “трем силам зла” (терроризм, экстремизм и сепаратизм). Кыргызстан, как одно из государств, непосредственно граничащее с китайской территорией СУАР, призвано играть роль некоего “северного форпоста”, гаранта КНР в нераспространении национал-сепаратистских настроений. Учитывая при этом богатую культурную, этническую, а также конфессиональную общность населения автономного округа с народами Центральной Азии, а также Кыргызстана в частности, беспокойство китайских властей вполне обосновано.

Стоит отметить, что обретение независимости постсоветскими государствами Центральной Азии послужило толчком для роста сепаратистских настроений в обществе, впоследствии при-

ведших к резкой активизации социальных масс, ратующих за отделение от КНР. Как указывает Н. Пестренко, «за 1992–1997 гг. было зарегистрировано свыше 700 вооруженных акций, взрывов и диверсий, направленных напрямую против китайского присутствия в СУАР. Только с апреля 1996 г. в антикитайских выступлениях участвовали более 65 тысяч человек и 17 раз происходили вооруженные столкновения. К 2000 г. было казнено более тысячи “борцов”» [7]. Бесспорен тот факт, что образование независимого Уйгустана расходится с национальными интересами Кыргызстана и Казахстана, на часть территорий которых, по утверждению уйгурских историков, распространяются притязания сторонников создания “нового государства” [8]. Еще в бытность А. Акаева президентом Кыргызстана отмечалось, что кыргызское руководство будет полностью поддерживать действия Пекина в отношении уйгурских сепаратистов.

Другим, не менее опасным, оружием в руках исламистов является религиозный экстремизм, преимущественно развивающийся близ Китая, на юге Центральноазиатского региона¹. Импульсом для его развития в 90-х гг. XX в. послужил ряд факторов: высокая плотность населения; растущее социально-экономическое неравенство, приведшее к обнищанию широких слоев населения, что в совокупности привело к усилению религиозного фактора как одного из инструментов для выражения социального протеста [9]. При этом здесь необходимо учитывать их поддержку, поступающую извне, а также показательные примеры прошедших событий в Афганистане, результатом которых стал приход талибов к власти.

Усиление исламистов в регионе привело к активизации радикальных движений “Хизб-ут-Тахрир аль Исламий” и Исламской партии возрождения Туркестана (ИПВТ). Своей главной задачей, как известно, сторонники партий считают противостояние самой идее светской власти и создание единого халифата, отвергающего границы, правительства, а также принадлежность к той или иной национальности.

¹ По состоянию на 01.09.08 на профилактическом учете в г.Ош состоит 662 человека, причастных к запрещенной в КР партии “Хизб-ут-Тахрир”. За 8 месяцев сотрудниками правоохранительных органов изъято 152 компакт-диска, 2 компьютера, 15 листовок, 8 аудио-видеокассет, 26 книг, 8 журналов религиозно-экстремистского содержания // <http://fergana.akipress.org/?id=30725>.

Большое значение в противодействии этим явлениям отводится ШОС, созданной на основе соглашений относительно мер укрепления доверия в приграничных районах и призванной стать главным инструментом коллективной борьбы с общерегиональными угрозами безопасности. В этих целях 15 июня 2001 г. странами-участницами была подписана “Конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом”, в полной мере определяющая формы и методы сотрудничества компетентных органов государств в противостоянии данным вызовам.

Необходимо отметить, что сегодня после разрешения проблем в Чечне российским руководством, а также сведения к минимуму Пекином “уйгурского сепаратизма” в северо-западных районах страны деятельность государств в вопросе борьбы с “тремя силами зла” несет в себе более предупредительный характер. В этой связи, оборонными ведомствами проводятся постоянные антитеррористические учения. К примеру, в 2003 г. были проведены совместные кыргызско-китайские трансграничные учения, практика осуществления подобных мероприятий стала впоследствии применяться в рамках ШОС.

В настоящее время система региональной безопасности, основанная на стандартных механизмах, не способна противостоять тем вызовам и угрозам, с которыми на сегодняшний день сталкивается Центральная Азия. Принципы, выработанные после распада СССР, т.е. на раннем этапе становления независимости государств региона, а также в свете событий в Баткене и США в 2001 г., были обусловлены необходимостью консолидированного, системного подхода к таким общим угрозам, как терроризм и экстремизм, а также разрешению пограничных вопросов с КНР. Однако сегодня регион сталкивается с проблемами преимущественно внутреннего характера, к которым следует отнести территориальные споры, во многом обусловленные наличием анклавов, водно-энергетические противоречия, демографические проблемы.

Основываясь на анализе этих проблем, а также принимая во внимание тот факт, что старания глав государств региона в разрешении спорных вопросов на протяжении долгого периода времени не привели к их конструктивному решению, можно предположить, что урегулирование проблем в двустороннем порядке не представляется возможным на современном этапе. Более того, учитывая комплексный характер угроз региональной безопасности как внутренних, так и внешних, Центральная Азия будет представ-

лять предмет пристального внимания Китая не только как зона, благоприятная для расширения влияния Пекина, но и как регион, несущий потенциальную угрозу стабильности и безопасности самой КНР.

Как показывает практика, наиболее полное разрешение проблем региональной безопасности, эффективное противодействие современным вызовам возможно только в рамках многосторонних механизмов, которые должны основываться на коллективных и скоординированных усилиях. В этой связи углубленное взаимодействие стран региона в рамках ШОС с активным участием в данном процессе КНР и России, ввиду их всеобщего членства в данной организации, представляется одним из возможных выходов из проблемной ситуации. Очевидно также, что для достижения данных целей в силу сравнительно “молодого возраста” ШОС потребуются определенное время, однако в долгосрочной перспективе урегулирование общерегиональных проблем является вполне осуществимым.

Литература

1. *Цыганков П.А.* Международные отношения: Учебное пособие. – М., 1996. – С. 192.
2. *Абдылдаев Э.Б.* Стенограмма выступления // Круглый стол на тему “Взаимоотношения между Китаем и Кыргызстаном после 24 марта 2005” / Институт общественной политики. – 2006. – 25 мая.
3. Ассоциация политологов Кыргызстана. Аналитический доклад “Политическая осень 2007: текущая ситуация и возможные сценарии развития” // <http://www.iadp.kg/ru/publikacii/analitic/>.
4. *Ходжаев А.* О центральноазиатской политике КНР // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – №3(51). – С. 33.
5. *Лузянин С.Г.* Центральная Азия и проблемы безопасности в трехстороннем сотрудничестве России, Индии и Китая // www.analitika.org.
6. *Kellner T.* La Chine et les republicues d’Asie Centrale: de la defence au partenariat // *Cemoti.* – 1996. – №22. – P. 277–313.
7. *Пестренко Н.* Уйгурстану – быть? // Центральноазиатский толстый журнал // <http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyia/1/a144.shtml>.
8. *Майнаев Б.* Уйгуры – этническая бомба в Великой Китайской стене // http://ymyt.com/ru/2/23_1.shtml.
9. *Молдалиев О.* Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? – Бишкек, 2004. – С. 70.